

Алексей Бурыкин

Геометрия родства: наука или абстрактное искусство?

(По поводу статьи П.Л. Белкова «Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства»)

Изучение систем родства, изменившее свой статус в науке от второстепенного аспекта истории общества до глобальной междисциплинарной проблемы, представляющей интерес и оказывающейся предметом дискуссии для этнографов, социальных антропологов и лингвистов, не теряет актуальности и в наши дни. Основными его направлениями по-прежнему являются накопление и освоение материалов по системам родства и лингвистической номенклатуре родства, изучение систем родства в исторической ретроспективе по доступным источникам, а также типология (как историческая, так и структурная) систем родства и систем терминов родства. При этом типология систем родства представляет собой особенно успешно развивающееся направление, примером чего являются работы Г.В. Дзибеля, новаторские и по объему материала, и по представленным в них подходам (см. прежде всего: [Дзибель 2001]). Что же касается истории систем родства, то она, на наш взгляд, прочно завязла в разнообразных — как субъективных, так и конъюнктурных с философской и идеологической точек зрения — концепциях истории человеческого общества, и в этой области прогресс пока заставляет себя ждать.

Алексей Алексеевич Бурыкин
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург,
albury@rambler.ru

Статья П.Л. Белкова возвращает нас к той проблематике систем родства, которая волновала умы этнографов и антропологов еще во второй половине XIX — начале XX в., вечному вопросу исторической преемственности систем родства. Труды основоположника изучения феномена родства Л.Г. Моргана не просто оставили заметный след в истории исследования систем родства, но по-прежнему, как показывает жизнь, составляют фундамент для исследования данной проблематики, поскольку основы классификации систем родства, заложенные Морганом, продолжают использоваться как в систематике типов родственных отношений, так и в исторической типологии систем терминов родства.

Здесь уместно задать вопрос: насколько корректным в наши дни является некритическое использование концепции истории человеческого общества, отвечающее уровню знаний середины XIX в., концепции, во многих отношениях адаптированной к культуре того времени и ее индивидуальным представлениям о состоянии уровня развития системы жизнеобеспечения и социальной жизни древних обществ и этносов, демонстрирующих архаические состояния культуры? Как нам думается, сама постановка вопроса и стремление описать эволюцию систем родства в виде постепенного перехода от промискуитета к моногамной семье уже не отвечают современному уровню знаний об истории человеческого общества, во многом соотносятся с научными мифами, стремлением мифологизировать историческое прошлое и искусственно дистанцировать его от близкой к нашему времени реальности, при этом с мифологической точностью вывернуть это прошлое наизнанку по сравнению с известными нам системами, руководствуясь в решении проблемы примерно следующей логикой: если мы имеем повсеместно тенденцию к формированию парной семьи, значит в прошлом этой самой семьи не было, а было что-то иное — в основном то, что не понимается, не принимается или прямо осуждается современным цивилизованным обществом.

Надо отметить и то, что в лингвистическом отношении мы не должны полагаться на описания систем терминов родства, сделанные при помощи формального аппарата языкознания XIX в. В наши дни обращение к первоисточникам, т.е. к трудам самого Л.Г. Моргана, заставляет задумываться, во-первых, о разграничении как референтивных и вокативных терминов родства, так и терминов родства и вокативных единиц, сформировавшихся на их основе; и, во-вторых, о том, что стоит за многозначностью терминов родства в так называемых классификационных системах родства, т.е. существуют ли реально в обществе и являются ли однородными классы объектов (в данном случае лиц), обозначаемые одинаковыми

лексическими единицами, и являются ли эти лексические единицы терминами родства.

Зависимость состояния изученности проблем систематики родства от фундаментальных культурных детерминант отмечалась еще Ф. Энгельсом, который был внимательным читателем сочинений Л.Г. Моргана. Так, Энгельс писал: «До начала шестидесятых годов об истории семьи не могло быть и речи. Историческая наука в этой области целиком еще находилась под влиянием Пятикнижия Моисея. Патриархальную форму семьи, изображенную там подробнее, чем где бы то ни было, не только безоговорочно считали самой древней формой, но и отождествляли — за исключением многоженства — с современной буржуазной семьей, так что семья, собственно говоря, вообще не переживала, якобы, никакого исторического развития; самое большее допускалось, что в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений. Правда, кроме единобрачия было известно еще восточное многоженство и индийско-тибетское многомужество; но эти три формы нельзя было расположить в исторической последовательности, и они фигурировали рядом друг с другом без всякой взаимной связи» [Энгельс 1961 XXII: 214–215].

Можно немного поозорничать и предположить, что мог бы сказать какой-нибудь информант Н.Н. Миклухо-Маклая, если бы он познакомился с русским языком и понаблюдал бы жизнь русскоговорящего общества, современного нам или близкого к нему. Такому наблюдателю — без сомнения, компетентному в экзотических системах родства, — открылась бы весьма любопытная картина. Трудно сказать, в какой вербальной форме такой наблюдатель мог изложить свои заключения, но это было бы примерно следующее. *У людей с Луны дети называют всех взрослых теми же словами, которыми они называют старших и младших братьев и сестер своего отца и своей матери — dyadya и tyotyua; это значит, что они считают всех взрослых вне зависимости от нашего (т.е. папуасского, австралийского, какого угодно) счета родства братьями и сестрами своего отца и своей матери. Каждый взрослый член племени у людей с Луны считает всех — и своих, и чужих — детей своими собственными сыновьями и дочерьми, называя их synok и dochka. А поскольку каждый dyadya женат на tyotyua, это значит, что у людей с Луны разрешен брак между родными братьями и сестрами и он вообще является единственной формой брака, которая существует в этом обществе...*

В этой импровизации нет абсолютно ничего, что можно было бы считать некорректным с точки зрения науки о системах родства позапрошлого века с ее неразграничением референтивных

и вокативных терминов и конструированием социальной реальности на основе распространенных терминов.

Можно вспомнить о Дж.Ф. Мак-Леннани, оппоненте Л.Г. Моргана, согласно мнению которого «система родства у Моргана — <...> простые правила общественной вежливости, и это доказывается тем фактом, что и к чужим — к белым — индейцы обращаются со словом: брат или отец. Это все равно, как если бы вздумали утверждать, что обозначения отец, мать, брат, сестра — просто ничего не значащие формы обращения, потому что католических духовных лиц и настоятельниц также называют отцами и матерями, а монахи и монахини и даже мasons и члены английских цеховых союзов на торжественных заседаниях обращаются друг к другу со словами: брат и сестра» (цит. по: [Энгельс 1961 XXI: 217–218]).

Ф. Энгельс же по этому поводу писал: «Морган, проведший большую часть своей жизни среди ирокезов, которые и теперь еще живут в штате Нью-Йорк, и усыновленный одним из их племен (племенем сенека), обнаружил, что у них существовала система родства, которая находилась в противоречии с их действительными семейными отношениями. У них господствовало то легко расторгжимое обеими сторонами единобрачие, которое Морган обозначает как “парную семью”. Потомство такой супружеской пары было поэтому всем известно и общепризнано: не могло быть сомнения относительно того, к кому следует применять обозначения отец, мать, сын, дочь, брат, сестра. Но фактическое употребление этих выражений противоречит этому. Ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом. Детей же своих сестер он называет своими племянниками и племянницами, а они его — дядей. Наоборот, ирокезка называет детей своих сестер, как и своих собственных детей, своими сыновьями и дочерьми, а те называют ее матерью. Детей же своих братьев она называет своими племянниками и племянницами, а сама является для них теткой. Точно так же дети братьев, как и дети сестер, называют друг друга братьями и сестрами. Напротив, дети женщины и дети ее брата называют друг друга двоюродными братьями и двоюродными сестрами. И это — не просто не имеющие значения названия, а выражения фактически существующих взглядов на близость и дальность, одинаковость и неодинаковость кровного родства, и эти взгляды служат основой вполне разработанной системы родства, которая в состоянии выразить несколько сот различных родственных отношений отдельного индивида. Более того: эта система действует в полную силу не только у всех американских индейцев (до сих пор не обнаружено ни одного исключения), но применяется также почти в не-

измененном виде у древнейших обитателей Индии, дравидских племен Декана и племен гаура в Индостане. Обозначения родства у тамиллов Южной Индии и у ирокезов племени сенека в штате Нью-Йорк одинаковы еще и теперь более чем для двухсот различных родственных отношений. И у этих индийских племен, так же как и у всех американских индейцев, родственные отношения, вытекающие из существующей формы семьи, также находятся в противоречии с системой родства. Как же это объяснить?» [Энгельс 1961 XXI: 34].

Приведенная цитата свидетельствует об одном: Ф. Энгельс действительно, имея благую цель поисков исторических стадий систем родства, принял существующую словесную номенклатуру за особый тип социальных отношений, который мог стоять за доступной для этнографического наблюдения моногамной семьей. Если несколько десятков лет назад увидеть здесь методологическую ошибку было почти невозможно, то сейчас мы должны ее обнаружить и признать, что ставшие знаменитыми заключения о типах систем родства делаются на основе вокативных терминов, что, на наш взгляд, некорректно по крайней мере в отношении обращения с языковыми фактами.

П.Л. Белков утверждает: «В свое время Б. Малиновский писал, что прежде, чем строить “алгебру родства” или решать “головоломки” классификаторских терминологий, необходимо рассмотреть множество проблем содержательного характера в той сфере, которую он именовал социологическими исследованиями <...> Основная ошибка современной школы исследователей систем родства, представляемой альманахом “Алгебра родства”, заключается в отказе от анализа фактов родства с помощью графических схем и сосредоточении усилий на поисках закономерностей исключительно в сфере терминологии родства. Не имея возможности ставить перед собой чисто лингвистические задачи [? — А.Б.], исследователи от изучения систем родства фактически переходят исключительно к изучению систем терминов родства (как кажется, М.В. Крюков в своих работах эту грань не переходил)» [Белков 2010: 11].

Здесь налицо две проблемы — проблема изучения системных отношений и проблема их экспликативного представления; причем если первая из них не допускает альтернативных решений, по крайней мере на определенных уровнях изученности систем родства, то вторая — демонстрация систематики отношений родства — допускает необозримое множество альтернатив, ограничивающихся только техническими возможностями, которыми располагает автор и в которые укладываются и геометрические модели систем родства, и модели

с использованием 3D-графики — так сказать, было бы что изображать, а средства найдутся. Таким образом, не вполне понятно, о чем автор ведет речь — об объекте анализа, который раздваивается на собственно систему родства и систему терминов родства, или о форме представления отношений родства.

Можно понять П.Л. Белкова — описания систем родства, основанные на системе терминов родства, показывают противоположения и системные отношения позиций системы родства, формируемые признаками пола, поколения, относительного возраста, непосредственного или опосредованного родства, которое иногда скрывается номенклатурой (русское «тётя» — это не только сестра отца или матери, но и жена брата отца или матери), кровного или некровного родства, т.е. родства/свойства и т.п. Социальная сущность этих оппозиций и отношений из самих терминов не явствует и по большому счету требует самостоятельного изучения. Однако эта область изучения систем родства уже никак не связана с терминологической систематикой родства, которая чаще всего оказывается архаичнее действующих внутри этноса социальных отношений, а иногда — в редких случаях — отстает от социальной реальности (например, инновации типа «прагестель» и «прагёща» в современном русском языке). При этом было бы неверным утверждать, что описание систем терминов родства является решением собственно лингвистической задачи и дистанцирует объект исследования от этнографии.

Лингвистическое изучение систем терминов родства имеет довольно много аспектов: морфологический (производность/непроизводность терминов и их словообразовательные отношения типа «тётя — тёща», «невеста — невестка», «дед — прадед», «сестра — посестрия» (диал. «двоюродная сестра») и т.п.); фоносемантический, или онтолингвистический, соотносящий термины родства с образцами детской речи в формальном или содержательном планах; семантический, к компетенции которого относится изучение переносных значений слов и фразеологические связи слов типа «крёстный отец», «духовный отец», «материнская плата», «материнский капитал», сочетаемость слов в прямых и переносных значениях. Заметим, что все это и не снилось исследователям австралийских, африканских, палеоазиатских, индийских и прочих языков, для которых объектом внимания в лучшем случае оказывается лексико-семантическая группа терминов родства. Эти задачи так или иначе возникают при обращении к системам терминов родства, но они не представляют интереса для этнографии и не позиционируются лингвистами в этнографическом контексте, когда от них требуется нечто иное — не только материал, но и корректные способы описания фрагментов лексической системы

языка с разграничением вокативности и референтивности, полисемии, омонимии и т.п.

Если продолжать разговор о лингвистических характеристиках систем терминов родства, то в обсуждаемой статье мы встречаемся с одним рассуждением, которое на первый взгляд покажется даже непонятым: «Между тем С.А. Токарев очень давно, еще в 1929 г., заметил, что европейский тип неверно называть описательным <...> Это очевидная истина. Европейские термины, не только простые (“отец”, “мать”, “брат”, “сестра”, “сын”, “дочь”, “муж”, “жена”), но и составные (“дед”, “бабка”, “дядя”, “тетка”, “внук”, “внучка”, “двоюродный брат”, “двоюродная сестра”, “тесть”, “теща”, “шурин”, “золовка”), не являются описательными. Так называемые описательные термины родства, т.е. термины, раскладывающие составные термины на простые, были введены Л.Г. Морганом как термины искусственного языка описания систем родства именно с целью избежать искажения смысла первичных систем родства путем простого перевода с одного языка на другой» [Белков 2010: 9]. Тут не сразу можно догадаться, что автор называет составными терминами не многокомпонентные наименования типа «шуринов племянник», а наименования сложнокомпонентные с точки зрения лексической семантики, или, чтобы было более понятно, наименования, которые имеют описательные синонимы. Кстати, перифразы для передачи смысла или для замены терминов родства придумал явно не Л.Г. Морган, их можно обнаружить в любом корпусе материалов по русскому, английскому или немецкому языкам либо для конкретизации родственных отношений (например, уточнение, чьим братом, отца или матери, является дядя), либо в случае нежелания употреблять уходящую из языка или принадлежащую другому стилю словарную единицу.

Выше у П.Л. Белкова мы читаем: «Типология М.В. Крюкова, принимаемая в нашей науке в качестве эталона, трактуется как типология *систем терминов родства* [Попов 1990: 148]. Между тем вклад Л.Г. Моргана всегда рассматривался в качестве отправной точки изучения *систем родства* [Крюков 1972: 27]» [Белков 2010: 4]. Здесь, на наш взгляд, наука о родстве смешивается с ее историей. То, что сам Морган считал изучением систем родства, на деле в наши дни выглядит как классическое — впрочем, устаревающее — описание систем терминов родства.

Тот факт, что термины родства, как по отдельности, так и в системе, отражают некоторую этнографическую реальность, не раскрывая характера отношений в системе родства, — бесспорно; но очевидно, что такая реальность отстоит от описания

языкового состояния на достаточно неопределенное время. Кроме этого у систем терминов родства как материала имеется одна специфическая особенность — каждая система терминов родства эгоцентрична, т.е. мы можем говорить на ее основе об отношениях между эго и его оппозициями, но мы ничего не можем сказать об отношениях между группами и субструктурами, отстоящими от эго даже на одну ступень.

Непонятно, на каком основании П.Л. Белков считает порочным изучение отношений родства в направлении от систем терминов к системам родства и адресует обвинение в таком подходе В.А. Попову [Белков 2010: 4]. В принципе такой подход вполне логичен и имеет более широкое распространение, чем что-либо иное — например, описание отношений родства как системы четко противопоставленных и разграниченных социальных ролей. В практике нам известно, что по стреляной гильзе и пуле можно определить оружие, из которого был произведен выстрел, но можно и специально отстреливать оружие, чтобы зафиксировать заранее его индивидуальные особенности по следам, оставляемым на пулях и гильзах.

Уместен вопрос, на который мы не находим ответа ни у Л.Г. Моргана, ни у его многочисленных последователей, в том числе и у П.Л. Белкова: *что* является критерием системы родства? Многозначность слов-терминов родства, лежащая в основе типов систем родства начиная с Л.Г. Моргана? Но это фантастика. Никто из этнографов, интересующихся материальной культурой, не будет заниматься типологией «системы» горшков или ножей, разбирая разные значения слов «горшок» или «нож» в разных языках. Отношения между словами *горшок*, *крынка*, *гличик*, *махотка*, *макитра* и т.п., а равно *нож*, *тесак*, *резак*, *секач*, *мачете* — это те же лексические структуры, что и термины родства, только здесь неуместен сам вопрос, кто кем кому приходится, кто от кого происходит, кто от кого зависит. Если во времена Моргана не проводилось различий между системами родства и системами терминов родства, то беспредметно отрицать их, апеллируя к Моргану, так же как довольно наивно представлять историю родства, апеллируя к Моргану или Энгельсу.

Говоря о диахронии систем родства, П.Л. Белков пишет: «Трансформация классификационных систем родства — это как раз тот случай, когда структура осознается агентом социального действия, поскольку классификационное родство отражает локальную организацию общества. Научное исследование систем родства первичной формации начинается с открытия Л.Г. Моргана, установившего, что в отличие от систем родства вторичной формации первобытные системы носят не

индивидуальный, а групповой, или классификационный, характер. Вторичные системы Л.Г. Морган объединил в один арийский (европейский) тип, а классификационные разделил на два самостоятельных типа — малайский и турано-ганованский, основываясь на принципах слияния/разграничения линий родства, выражающихся в различии в терминологии родства. Например, в малайской системе первое восходящее поколение представлено одним мужским термином, объединяющим отца, брата отца и брата матери, тогда как в турано-ганованской это поколение представлено двумя терминами: отец сливается с братом отца, но отграничивается от брата матери» [Белков 2010: 2]. Насчет того, что «структура осознается агентом социального действия», наверное, сказано слишком сильно. Реальные преобразования систем терминов родства (и то, что за этим стоят изменения в системе родства, надо еще доказывать) осмысливаются, описываются и кодифицируются «агентами социального действия», к которым можно отнести и лингвистов, пишущих на эти темы, постфактум. Они представляются, например, в толковых и этимологических словарях русского, литовского, немецкого, иранских языков и компендиумах по лексике индоевропейских языков. Мы пока не можем себе представить волевое воздействие на систему родства какого-либо «агента социального действия». Дальнейшее рассуждение автора о том, что «исследователи, занимающиеся системами родства, уже давно отказались от эволюционного подхода, предпочитая говорить не об эволюции систем родства, а о “трансформации СТР”» [Белков 2010: 3], некорректно. Что, собственно, плохого, если трансформации системы терминов родства с высочайшей точностью отслеживаются по письменным формам языков и с несколько меньшей точностью — по данным этимологического анализа, а эволюция систем родства до сих пор оказывается предположительно располагаемой в интервале от промискуитета до церковного брака?

Следующий вопрос, который должен возникнуть с неизбежностью: *что* формирует оппозиции в системе родства? В числе этих признаков определенно присутствуют гендерная дифференциация, потестарный, т.е. абсолютный и относительный, иерархический статус, разнообразные динамические отношения имущественного распределения и статические отношения имущественного неравенства, разнообразные формы отношений между группами, связанными родством по браку, и, возможно, что-то еще.

П.Л. Белков совершенно прав в следующем: «Связывая системы терминов родства с формами социальной организации, мы делаем объектом исследования именно системы родства.

Но как это сделать не только декларативным образом? Ответ заключается в графически правильном изображении системы родства, в данном случае классификационной. Иначе говоря, чтобы связь между терминами родства и элементами социальной организации была видна на соответствующей диаграмме» [Белков 2010: 5]. Однако, как мы уже отмечали, мы очень мало знаем о вариативности систем родства в чисто социальных аспектах и о дифференцированности, прежде всего об оппозитивной дифференцированности систем родства, которые могли бы быть представлены графическим способом. Графика — это только техника представления каких-то отношений, как можно что-то изображать, не зная сущности этих самых отношений?

Как известно, феномен родства многолик, и специалисты по этнографии аборигенов Австралии знают, что кроме кровного родства, изображаемого системой терминов родства, есть более значимое социальное родство и есть тотемическое родство — об этом пишет и сам П.Л. Белков. Эти формы отношений стерты в европейских мультисистемах родства, и понятно, что для европоцентристского подхода сами системы родства и системы терминов родства связаны в гораздо большей мере, чем для австралоцентристского подхода. Однако никто, по крайней мере из лингвистов, никогда не видел специализированных систем терминов социального родства и систем терминов тотемического родства, хотя, видимо, возможно извлечь соответствующие термины или значения этих терминов из континуума разнообразных употреблений терминов родства. Можно, конечно, вспомнить термины «брат» и «сестра» в отношении членов монашеских сообществ, но тут становится очевидным, что любое внешнее родство является производным от биологического родства.

Кроме названных форм родства, видимо, существует и временно дает о себе знать понятие юридического родства, в рамках которого некоторая сила имеет право оценивать степень родственных отношений и сам факт наличия или отсутствия родства, определяющий применение или неприменение определенных правовых норм внутри данной системы¹.

И у П.Л. Белкова, и в еще большей мере у его предшественников отчетливо просматривается интерес к вечной проблеме систем родства — нормам выбора брачного партнера, предпочтениям

¹ Так, одна моя московская знакомая в конце 1970-х гг. получила отказ в прописке в ее квартире родственницы — тётки ее матери — на том основании, что тётка матери не является родственницей... После запроса, существуют ли правовые основания для такого отказа, сформулированные на законодательном уровне, просьба внучатой племянницы (как видим, термин для такого родства все же существует) была удовлетворена.

и запретам на выбор брачного партнера. Одним из направленных исследований в этой области, имеющих историческую перспективу и давние исследовательские традиции, является проблема происхождения экзогамии и запрета на браки между близкими кровными родственниками. Вероятнее всего, экзогамия — нерешаемая проблема или проблема, с трудом находящая решение, поскольку связана с переходом от доминирования одних отношений родства к доминированию других.

Как кажется, и сам автор в косвенной форме дал ответ, что именно он понимает под системой родства — вслед за специалистами по этнографии Австралии он так называет систему заключения браков: «Системы родства, тип карьера и тип аранда, по названиям “племен”. Первая определяется предпочтительным браком с кросскузиной первой степени (“дочерью брата матери”) при существовании обычая обмена сестрами (“дочь брата матери” совпадает с “дочерью сестры отца”), а вторая — предпочтительным браком с кросскузиной второй степени (“дочерью дочери брата матери матери”) при запрете на брак с кросскузиной первой степени <...> Позднее А.П. Элькин выделил, точнее, нашел третий тип — карадьери. Здесь для мужчины предпочтительным брачным партнером является кросскузина первой степени со стороны матери (“дочь брата матери”) при запрете на брак с кросскузиной со стороны отца (“дочерью сестры отца”)» [Белков 2010: 5]. В данном случае система родства «определяется» нормами брачных предпочтений.

Главная проблема тут заключается в том, что ни в одной из известных нам систем родства мы не находим действующих прескриптивных правил, которые определяли бы нормы брака — во всех случаях эти правила имеют характер предпочтений. Это же относится к таким хрестоматийным явлениям, как сорорат и левират. Что касается запретов на брак, которые, по мнению многих исследователей, формируют основу системы родства в ее отношениях между родственниками противоположного пола, то здесь при обращении к материалу мы сталкиваемся с такими странностями, которые сами не находят объяснения, но объясняются в контексте известных нам социальных отношений, в частности допустимых вариаций брачных норм.

Размышления П.Л. Белкова вместе с привлекаемым им материалом, который тем самым мы можем еще раз обозреть с разных сторон и критически рассмотреть, дают нам хороший шанс обсудить некоторые аксиомы, определяющие представления о родстве. П.Л. Белков говорит: «С этой точки зрения можно позволить себе слегка подправить одно из высказываний К. Леви-Строса: системы родства состоят не в фиксации

объективных родственных связей и развиваются они произвольно, в сознании людей, а не спонтанно, как нечто существующее независимо от них, подобно природным или, что в данном случае одно и то же, лингвистическим явлениям <...> Трансформация классификационных систем родства — это как раз тот случай, когда структура осознается агентом социального действия, поскольку классификационное родство отражает локальную организацию общества» [Белков 2010: 2]. Как именно преобразование систем родства осознается «агентом социального действия», совершенно непонятно. Более того, мы имеем довольно много примеров, когда существующие термины родства в текстах заменяются их перифразами, служащими обычно для объяснения таких терминов в словарях и соответствующей научной литературе. Как увязать это явление с проекцией системы терминов родства на систему родства, не ответит, наверное, и сам автор, поскольку в австралийских языках такое, вероятно, возможно только в диалоге информанта со специалистом по системам родства. Впрочем, австралийские языки нам не настолько хорошо известны, чтобы мы могли это утверждать с какой-либо категоричностью.

Так, анализ фольклорных текстов, содержащих мотив инцеста — нарушения запрета на связь между братом и сестрой, которые зафиксированы у народов Дальнего Востока, показал следующее: под запрет однозначно попадает связь между старшей сестрой и младшим братом [Бурыкин 2003: 242–244]. В то же время, по свидетельствам В. Серошевского [Бурыкин 2000: 239], у якутов в случае отсутствия невест из других семей допускался брак между старшим братом и младшей сестрой — как раз о таком союзе фольклор народов Дальнего Востока умалчивает.

Феномен скошенного счета поколений, при котором, среди прочих деталей, старшие братья и сестры родителей именуется теми же терминами, что и предки +2 поколения, а младшие братья и сестры отца и матери — теми же терминами, что и старшие братья и сестры эго, с чисто теоретической точки зрения мог бы отвечать ситуации брака отца и дочери. Самое любопытное в этом плане — свидетельства о том, что брак между отцом и дочерью был допустим у тувинцев еще в XIX в., отмеченные в этнографических источниках, в частности в описаниях путешествий Ф.Я. Кона по Туве и Саянам [Басангова, Бурыкин, Решетов 2010]. Если признать такую возможность реальностью, то становится понятным, почему в системах со скошенным счетом поколений отсутствует термин для потомков в –2 поколении. Кстати, возможно, что с описываемыми вариациями брачных норм связано появление у якутов и особого термина для младшего брата матери — младший брат

не мог жениться на своей старшей сестре, и присутствие особого термина для младшего брата у эго женского пола — такой союз тоже запрещался; а также, возможно, и появление бифуркативности в системе родства монгольских народов, позволяющей избегать противоречий системы со скошенным счетом поколений. Однако и в этих случаях, как кажется, наличие или отсутствие специального термина не всегда соответствует какому-либо запрету. У тунгусов существует специальный термин, обозначающий дочь или младшую сестру эго, причем эго мужского пола [Симонов 1981]; он не распространяется на старшую сестру, с которой брак был заведомо недопустим; во всех остальных случаях, как мы догадываемся, были возможны варианты... У верхнеколымских юкагиров термин для обозначения старшей сестры оказался утраченным: старшая сестра в их диалекте называется *паба* — из русского баба, так как эта категория женщин-родственниц явно должна была оказаться «товаром» для казаков. Изучение социальных отношений между кровными родственниками иногда приводит к выявлению интересных казусов. Для современного наблюдателя отношения дедушек/бабушек и внуков/внучек представляют собой одну из духовных ценностей, создающих основания семьи. Однако у некоторых народов Сибири, например у эвенов, все обстоит иначе. По нашим наблюдениям, между матерью и взрослой дочерью действительно существуют особо тесные отношения, проявляющиеся во взаимном внимании, заботе, взаимной помощи. Но отношения между бабушкой и внучкой уже не предполагают взаимных обязанностей: младшее поколение проявляет внимание и заботу о среднем поколении, среднее — о старшем. Общее внимательное отношение и хозяйственная забота о стариках, повсеместно наблюдаемые у народов Сибири, определяется не родственными связями и не обобщенной традицией, а исключительно личными качествами самих людей старшего поколения. В каждом поселке, где живут представители коренных народов Севера, есть старики и старушки, которые пользуются общей любовью и уважением, и есть такие, которым не выказывает почитания никто, даже близкие родственники — все основывается только на личных качествах самих стариков. Эти отношения, понятно, не предусматриваются номенклатурой родства и в ней не отражаются.

Сказанное здесь, а также повышенное внимание к проблеме экзогамии именно как социальному явлению, как рассматривали ее многие видные представители этнографической науки (можно вспомнить, например, диссертацию Д.А. Ольдерогге о трехродовом союзе, оказавшую влияние на изучение родовой организации у разных народов, в том числе у народов Сибири), наводит на мысль о том, что кровнородственные связи

не имеют вообще никакого отношения к так называемой родовой организации, в основе которой лежат представления о социальном родстве, за которым вовсе не обязательно должно стоять биологическое родство. Тогда получается, что тут мы имеем дело еще с одной историко-материалистической путаницей, основанной на искусственной архаизации социальных структур и подводящей их под мифологический «род», который должен быть основан на кровном родстве.

Феномен родства изучается и будет изучаться представителями разных дисциплин: к их числу относятся историческая этнография и культурная антропология, социальная антропология и психология, физическая антропология и медицинская генетика; номенклатура родства изучается и будет изучаться лингвистами. При всем этом наиболее надежные и наиболее информативные корреляции между объектами и данными разных дисциплин пока наблюдаются только в одной области — в области соотношения систем родства и систем терминов родства. При этом диахроническое изучение этих корреляций представляет собой улицу с односторонним движением: поскольку язык и общество изменяются неравномерными темпами и словарный состав языка изменяется медленнее, чем социальные структуры, система терминов родства в известной мере может служить источником для изучения систем родства. Обратное, т.е. проецирование представлений о родстве на терминологию родства, похоже, неверно, и подобный подход даже трудно себе представить. Все же остальное, в том числе представления о родстве как регуляторе социальных отношений, наталкивается на такое количество противоречий и исключений, что здесь любое, даже самое бесспорное на первый взгляд утверждение оказывается по крайней мере субъективным.

Изучение проблематики систем родства, начатое на новом этапе изданием альманаха «Алгебра родства» и имеющее конструктивное продолжение в рамках настоящей дискуссии, позволяет сделать важный методологический вывод, который относится к теории и методике междисциплинарных исследований и одновременно к истории науки: нет более неблагоприятной задачи в гуманитарных науках, чем выявление, демонстрация и устранение внутрипарадигмальных противоречий между предметами и идеями, причем относящихся к отдельным частным наукам и к разным научным парадигмам, отражающих разные состояния изученности одних и тех же проблем. В принципе, эти противоречия преодолимы, если при необходимости внимательно смотреть на историю науки и вовремя вносить коррективы в то, что вчера казалось или сегодня кажется непреложными истинами.

Статья П.Л. Белкова, равно как и развернувшаяся вокруг нее дискуссия, где каждый из выступающих имеет собственное мнение и собственные основания для такого мнения, побуждает еще раз напомнить об особом статусе гуманитарных знаний и, что гораздо важнее, практики аккумуляции этих знаний и обмена ими. В отличие от точных наук, естественных наук и наук о Земле в гуманитарных дисциплинах не слишком ярко выражены различия между старыми и новыми концепциями, вследствие чего устаревающие концепции и методологии не всегда вовремя «сдаются в архив» и часто служат основанием для архаизированных научных построений или намеренных стилизованных архаизаций представления предмета науки. Верно, разумеется, и обратное: концептуальный авангард не всегда полезен и не обладает свойством вытеснять из обихода все ему предшествующее. Изложение материала и концепций в этнографии, истории да и в языкознании, как все знают или догадываются, не лишено эстетического компонента, создаваемого индивидуальным стилем, содержанием, реминисценциями в виде цитат и ссылок и внешним оформлением сочинений. Геометрические схемы в экспликации систем родства заставляют вспомнить абстрактное искусство, живописные и скульптурные композиции, где по замыслу автора каждый компонент наделен своим значением — только наблюдателю приходится все время догадываться, какое именно значение можно приписать тем или иным цветовым образам или трехмерным структурным элементам. Собственно в этом и заключается смысл абстрактного искусства. Наверное, мы все-таки не готовы к тому, чтобы в трактовке систем родства возвращаться к марксизму-морганизму или присваивать себе привилегии образного восприятия и художественного преподнесения кардинальных понятий каких-либо научных дисциплин.

Библиография

- Басангова Т.Г., Бурькин А.А., Решетов А.М.* Неизвестное издание Ф.Я. Кона // Новые исследования Тувы (Электронный информационный журнал). 2010. № 2 <http://www.tuva.asia/journal/issue_6/1727-basang-buryk-resh.html>.
- Белков П.Л.* Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства // Антропологический форум. 2010. № 12 Online. С. 1–19 <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_belkov.pdf>.
- Бурькин А.А.* Система терминов родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах // Алгебра родства. Вып. 5. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 213–242.
- Бурькин А.А.* Мотив наказания за инцест в фольклоре народов Приамурья: три возможных объяснения // Проблемы этнографии

и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 238–247.

Дзибель Г.В. Феномен родства. Прологомены к иденетической теории. СПб.: МАЭ РАН, 2001. (Алгебра родства. Вып. 6).

Симонов М.Д. Морфологическая структура существительного хунат «девушка, дочь» в тунгусо-маньчжурских языках // Морфология имени в сибирских языках. Новосибирск, 1981. С. 117–128.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 28–178.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства (Предисловие к четвертому немецкому изданию 1891 года) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 22. С. 214–225.